

Моск. правда. — 1996. 26 июля — С. 11.

НАТАЛИЯ МЕДВЕДЕВА: МНЕ ВСЕГДА НРАВИЛИСЬ БАНДИТЫ!

— Ваша новая книга называется “Моя борьба”. Нет ли здесь отсылки к труду Гитлера “Mein Kampf”?

— Разумеется, в какой-то степени это провокация, за которую, следуя Указу Президента РФ, книгу могут из продажи изъять! На сегодняшний день, как только вы не согласны с общепринятым, вас сразу отсылают в лагерь фашистов. Это так запросто делается, что единственный способ реагировать — если реагировать — сказать: ну да, хорошо, пожалуйста!

— А вас кто-нибудь называл фашисткой?

— Прямо в лицо — нет. Но какие-то мои взгляды и высказывания оценивались именно так. Надо учитывать, конечно, кто оценивает. Все некрасивые, бездарные, скучные, предлагающие то, что уже существует во всем остальном мире, как они его называют — “цивилизованном”, любят использовать этот термин. А называют они так часто красивых, одаренных, талантливых, свободных, безумных, со странными для массы идеалами. Иметь сегодня идеалы — это нечто суперстранное. А если говорить серьезно о фашизме, то чисто эстетически мне нравится итальянский фашизм конца 20-х годов. Это очень красиво, здорово, мощно, и как основной элемент там есть героика. И потом, не самые худшие люди с удовольствием сотрудничали с тем же Муссолини, к примеру, Пиранделло, почитаемый российскими театральными режиссерами.

— Кстати, почему именно итальянский фашизм?

— Потому что в Германии все это было уже национал-социализмом, а термин “фашизм” употреблялся несколько с пренебрежением. Для них “фашистский” звучал как “футуристский”, о фашистах говорили как о романтиках каких-то.

— Тем не менее, ваша книга к этим проблемам отношения не имеет.

— Имеет. Гитлер боролся за то, чтобы навязать себя миру, и я хочу навязать себя миру, искусству и любимому человеку.

— А вам не кажется, что этой книгой “Моя борьба” вы еще и декларируете свое чувство независимости по отношению к вашему мужу — писателю Эдуарду Лимонову?

— Может быть, в этом и есть какой-то смысл. Если говорить хронологически, то это моя пятая книжка. Я писала рассказы, песни, пела — как видите, моя творческая жизнь была довольно наполненной. Но все-таки оставалось ощущение несправедливости окружающего мира ко мне как к художнику, потому что всегда обязательно упоминали: “жена Эдуарда Лимонова”. Если все мои труды недостаточны, чтобы восприниматься независимо, то, естественно, возникает чувство обиды. Но с другой стороны, Эдуард Лимонов старше меня, поэтому он больше в этой жизни уже сделал.

— А как он относится к вашим книгам?

— Вот это надо у него спросить, а я не хочу об этом даже... Вообще это вечное упоминание “жена Эдуарда Лимонова” характеризует общество как патриархальное. Это абсолютнейшая фаллократия!

— Одна ваша героиня говорит, что женщина не должна писать о себе от первого лица, а другая возражает ей, что всегда с мужчинами чувствовала себя наравне и не стоит делить книги на мужские и женские. Однако ваш роман написан не от первого лица.

— Не подумайте, что из чувства стыда. Кстати, там есть и пассажи от первого лица: проза певицы, ее дневник. Этот прием позволяет взглянуть со стороны. Хотя я не стремлюсь к строгости формы, ничего специально не выстраиваю — все спонтанно получается. А почему женщина не должна от первого лица писать? Ну вот даже если взглянуть на реакцию читателей, то выяснится, что они в основном женщины, именно они покупают книги. Это подсчитано всеми статистическими организациями и на Западе, и здесь. Женщины, по всей видимости, большие ханжи. Они еще от мужчины примут какие-то вещи, а вот чтобы женщина о себе такое говорила — ни фиги, это у нас не пройдет!

— Как вы относитесь к фашизму?

— Да ну, это уже себя изжило. Анекдот с бородой какой-то. Это так скучно, так нелепо... К сожалению, в России это все так опоздало, и все вдруг “открывают” тот же фрейдизм. Уже на западе он был тысячу раз пересмотрен и подвергнут остракизму, появилось миллион других направлений, а тут как схватились за этот фаллический символ, так и не отпускают. Я вообще с большим недоверием отношусь к этому венскому господину. За сто лет до него маркиз де Сад прекрасно знал, в чем состоит се-

крет оргазма у женщины, а вот Фрейд в начале XX века этого не знал и делал какие-то операции на носу.

— Да, книги Фрейда до сих пор имеют в России резонанс. А вы чувствуете реакцию на свои книги?

— Почти нет. Критики не пишут ничего, да потом критиков, в общем-то, и нет интересных. Я считаю, что критика должна быть такой же интересной, как книга. А в основном все это очень скучно, нормальный человек не станет читать рецензию. Мне, как автору, реакция необходима, потому что таким образом себя как-то оцениваешь. Надеешься, что критик — это человек, который имеет определенный культурный багаж, не состоящий только из Бердяева, Булгакова и... Бренера (чтоб все на “Б” получилось!), а читал из разных областей, и не только московских. Думаешь, что твоё произведение будет поставлено в ряд других ценностей. Быть все время выпадающим из рядов — это, конечно, очень здорово, но в конце концов скучно быть таким уж отдельным.

— Вы вообще-то склонны к маргинальному?

— Наверное, это отголоски подростковой романтики. Действительно, мне всегда нравились бандиты, но в героическом, романтическом смысле. Не какие-то сегодняшние качки в красных пиджаках, они — убожество кошмарное. В советские времена полуправильный тип воспринимался не просто как человек, который наживается. В этом был элемент несогласия с общепринятым. А сейчас лозунг какой? “Обогащайтесь!” Бандиты вполне следуют президентскому лозунгу. Они обогащаются. Но если взять кинематограф, даже довоенный, то симпатия зала всегда была на стороне бандитов.

— Вы описываете арест вашей героини так, что я готов был поверить, будто и вам надевали наручники.

— Была арестована, и не раз. Я жила в Лос-Анджелесе, в котором шагу нельзя ступить без автомобиля. Ну а ночная жизнь певицы способствует тому, чтобы она употребляла алкогольные напитки. И не раз мне приходилось возвращаться с работы домой в подпитии и таким образом быть арестованной, потому что стрелочка полицейского аппарата показывала больше, чем можно. В Штатах еще по-божески, там вы имеете право выпить стакан пива или полтора стакана вина — это не считается криминалом, но больше — нельзя.

— Меня всегда изумляло, почему Буковский, описывая в книжке “Голливуд” нон-стоп собственное вожделение в нетрезвом состоянии, ничего не упоминает о том, чтобы его когда-нибудь арестовывали?

— Может, он просто пропустил момент “арестации”? Или не помнил. У Буковского, конечно, не много другой Лос-Анджелес, не мой.

— Все знают вас как певицу или писательницу. Однако в Америке вы также и актерствовали.

— В моем романе “Любовь с алкоголем” главная героиня — сербка (в конце 80-х — начале 90-х Сербия была везде на первых полосах), а вообще-то там описаны мои театральные и некоторые алкогольные опыты. Сейчас я несколько разочаровалась в театре, несмотря на то, что даже написала пьесу “Дневник Марго Фюрер”, а имя главной героини у меня уже успели украсть. Но тогда я ходила во все существующие в Лос-Анджелесе и Голливуде актерские классы, классы вокала, танца, движения, постановки голоса, классы для того, чтобы избавиться от русского акцента...

— Избавились?

— Одно время я очень здорово говорила по-американски, а потом поняла, что это такая глупость — все равно меня на роли американок не брали! Предлагали мексиканку играть в лучшем случае, из-за карих глаз. Американку представляют, быть может, моего роста, но блондинкой, с дикой улыбкой до ушей. А если и есть другие типы, то они очень редки и являются обособленными, та же Фэй Даннауэй. И я подумала: на кой хрен мне нужно избавляться тогда от моего русского акцента, если я все равно не могу быть американкой ни по каким стандартам.

В кино у меня было несколько эпизодических ролей. В одном фильме я пела русский вальс, а аранжировку делал Морис Жарр, папа Жан-Мишеля Жарра, автор музыки к баснословному числу фильмов, сделавших box-office hits Голливуда по всему миру. Запись происходила на “XX Century Fox”, в суперстудии. Когда я уехала из этой студии (я тогда имела шикарный серебряный “Мерседес” последней модели, это был период довольно роскошной жизни), так я расплакалась даже, и мне пришлось остановиться где-то на дороге. Я все не могла поверить, что я сейчас была на “XX Century Fox”, видела бы меня моя бабушка...

Я думаю, что это самоуничтожение есть у всех русских. И даже в минуты взлета, славы, успеха у человека, родившегося в Советском Союзе, в голове обязательно промелькнет мысль: “вот это я дал!”

— Вы пели русские романсы на Западе потому, что любите романсы, или потому, что русской певице там легче продать подобный имидж?

— Если действительно говорить о континентальной Америке, то там надо петь “Калинку-малинку” и даже никакие не романсы. Ничего другого амери-

канцы о России не знают. Если же говорить о более метрополюльной Америке, такой, как Нью-Йорк или Лос-Анджелес, о местах, где количество разнообразных национальностей превышает коренное население, то там можно петь и популярные песни нацменьшинств, которые там присутствуют. Песни должны быть очень типичными: рынок так раздел. А для эмигрантской Америки третьей волны нужен Привоз, Одесса-мама и советская мерзопакостная эстрада. Первый русский ресторан, в котором я выступала, принадлежал человеку родом из Шанхая, где в кабае его родителей пел Александр Вертинский. И это очень влияло на то, каким он хотел видеть свой ресторан. Потом я работала в парижском “Распутине” с Алешей Дмитриевичем и от него узнала многие забытые песни. Но все равно

я не пою так, как пели во времена Вертинского. Просто это дает возможность прикинуться, играть роли роковых женщин, которые умоляют или, наоборот, кричат: “Уйди!” Для работы, конечно, надо петь русские песни, за них больше денег дают. Нефтяные магнаты предпочитают слушать “Очи черные”, а не “Озеро надежды”, к примеру.

— Вы долго жили в трех странах: России, Франции и Америке. Где вам интереснее?

— Сейчас интереснее здесь. В России происходят события, которые повернут ход мировой истории, а там все дошло до своей завершенности, уже все сделано, последние 25 лет нет никаких новых течений в искусстве. Будут происходить какие-то новшества в технике, какие-то винтики-шпунтики... Подумаешь! Все это никакого отношения не имеет к культуре.

— Вам не приходилось жалеть о времени, когда у вас был серебристый “Мерседес”?

— Чем дальше я от этого времени, тем больше убеждаюсь, что ничего особенного в нем не было. Уже невозможно использовать его даже как тему для творчества. Ну сколько раз можно писать о посещении ресторанов, о поедании устриц, о выпивании шампанского или о занюхивании кокаина, о том, как еду на “Мерседесе”, или о том, как он серебрился? Один, два, три рассказа — и все!

— Вас не смущает кочевой образ жизни? До сих пор вы не имеете собственной квартиры.

— В последнее время смущает. Это создает трудности опять же в творческой жизни. Нет квартиры — значит, нет пианино, нет пианино — невозможно сесть и со-

чинить что-то, когда вздумается, приходится держать все в голове, а потом к кому-то проситься: можно я к вам приду поиграю? Это у меня с детства. Даже в моей первой книжке, “Мама, я жулика люблю” моя комната называлась “моя” комната, потому что я никогда не имела своей комнаты. Бессознательно во всех рассказах у меня проходит мечта о своем угле, в котором можно заняться своим... “нехорошим” делом!

Когда пришло время прощаться, Наталья Медведева смутилась: не получилось ли интервью слишком уж приличным? И действительно, что это за такие “нехорошие” дела, которыми может заниматься певица, так и осталось загадкой. Впрочем, в ее книгах и так все написано.

Александр Кулиш.